

Е. В. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Житие Филиппа Ирапского и записка инока Германа о Филиппе

Среди древнерусских житийных повестей большой историко-литературный интерес представляют еще мало изученные первоначальные записки с элементами автобиографического повествования, необработанные варианты житий, написанные без соблюдения литературных канонов и отличающиеся своеобразным содержанием и стилем. Д. С. Лихачев пишет о бессознательном стихийном средневековом натурализме этих памятников, подчеркивая, что это не реалистичность литературы, а реальность самой жизни, стихийный натурализм документа.¹ Сделанный И. Некрасовым обзор житий показывает, что многие житийные тексты содержат указания на использование их авторами каких-то первоначальных материалов. И. Некрасов отметил, что такие записки могли составлять исключительно монастырскую собственность, не распространялись и, как правило, хранились только до того времени, пока не появлялось составленное на их основе житие.² Не сохранилась в «чистом» виде и записка о Филиппе Ирапском, автором которой был инок Спасо-Каменного монастыря Герман, пришедший к Филиппу незадолго до его смерти и ставший свидетелем последнего периода жизни подвижника. Однако, как показал анализ текста Первой редакции Жития Филиппа Ирапского, при составлении житийной биографии эта записка была использована таким образом, что она может быть выделена из текста и рассмотрена с точки зрения ее литературных особенностей.

Текст Первой редакции Жития Филиппа Ирапского был издан В. О. Ключевским по принадлежавшей ему рукописи.³ В. О. Ключевский считал, что Житие составил в середине XVI в. на основе собственных записок сам Герман, который во многих местах повествования выступает как очевидец описываемого. Однако сохранилось это Житие уже с признаками «участия другой руки в рассказе», которое проявляется в хронологических несоответствиях, смене формы повествования в одной фразе, в противоречиях изложения (например, повествуется о том, как Филипп,

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. Глава «Жанровые различия в изображении людей».

² Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. Ч. 1. И. Некрасов отметил, что уже в год смерти Филиппа существовала записка о его жизни (Там же. С. 48—50).

³ Житие преподобного Филиппа Ирапского. Изд. ОЛДП. СПб., 1879. Вып. 96.

встречая пришедшего к нему Германа, спрашивает его имя, в то время как ранее говорилось, что Филипп еще до поселения на Ирапе посещал Спасо-Каменный монастырь, останавливался в келье Германа и взял у него благословение). В. О. Ключевский выявил позднейшую редакцию Жития Филиппа Ирапского, составление которой отнес ко времени не ранее 1673 г. на основе дат, содержащихся в сопровождающем Житие Сказании о чудесах Филиппа.⁴ Л. А. Дмитриев в словарной статье о Житии Филиппа Ирапского отметил, что «в целом Житие представляет типичный рассказ об основателе монастыря в севернорусских землях». Оригинальной особенностью Жития является обилие назидательных поучений Филиппа, отдельные эпизоды представляют исторический и сюжетный интерес.⁵

Первая редакция Жития Филиппа Ирапского представлена двумя списками (БАН, 25.6.28, втор. пол. XVIII в.; РНБ, F.I.260, нач. XIX в.) и изданным В. О. Ключевским текстом из принадлежавшего ему сборника, местонахождение которого в настоящее время неизвестно. В отличие от опубликованного В. О. Ключевским текста, оба списка содержат девять рассказов о посмертных чудесах Филиппа. Отражение в ряде эпизодов Жития исторических реалий и действительных подробностей происшедшего свидетельствует о том, что Первая редакция Жития была составлена в близкое к жизни самого Филиппа время. Сказание о посмертных чудесах было добавлено к Житию позднее, так как описанные в рассказах о чудесах события датируются в тексте 1661—1673 гг.

В композиции Жития можно выделить четыре части. В первой части рассказывается о пострижении и жизни Филиппа в монастыре Корнилия Комельского, о его уходе из монастыря после божественного предзнаменования и о посещении Спасо-Каменного монастыря, где Филипп получил благословение инока Германа. Вторая часть⁶ повествует о приходе Филиппа в Ирапскую пустынь и о князьях братьях Шелешпанских, которым принадлежали эти земли. В повествовании много интересных реальных подробностей, позволяющих предположить, что автор опирался на какие-то устные рассказы.⁷ Третья часть⁸ включает в себе ряд эпизодов, рассказывающих о жизни Филиппа на Ирапе и его проповеднической деятельности. Разрозненные и не связанные друг с другом сюжетные рассказы о борьбе Филиппа с бесами чередуются с обширными поучениями Филиппа. Четвертая часть имеет заголовок: «О преставлении преподобного отца Филиппа» (С. 62). В четвертой части сначала в форме изложения от третьего лица говорится о приходе Германа к Филиппу, а затем следует рассказ самого Германа о смерти и погребении Филиппа. Этот рассказ завершается документальной записью, содержащей дату прихода Филиппа на Ирап (1517 г.), дату его смерти (1538 г.) и сообщение, что Филипп прожил 45 лет.

⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 274—275; Житие преподобного Филиппа Ирапского. Предисловие. С. XII—XIII.

⁵ Дмитриев Л. А. Житие Филиппа Ирапского // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 341—342.

⁶ Вторая композиционная часть начинается словами: «Дойде же града Бѣла езера и поиде къ веси, пореклу зовомой Андогъ...» (см.: Житие преподобного Филиппа Ирапского. С. 17. Далее страницы указываются в скобках в тексте).

⁷ В. О. Ключевский в предисловии к изданию Жития отметил историческую достоверность житийного рассказа, запечатлевшего переход одного из бывших мелких удельных князей в округ областного управления в Московском государстве. Князь Андрей правит своей вотчиной уже в качестве московского администратора.

⁸ Третья часть начинается словами: «По сихъ же мнози прихождаху от искусныхъ и благочестивыхъ мужей и моляхуса блаженному о поучении...» (С. 27).

Отмеченные В. О. Ключевским противоречия в рассказе, хронологические несовпадения, неожиданные смены формы повествования (от первого и от третьего лица) заставляют изучить содержание текста и исследовать вопрос о роли «другой руки» в составлении Жития, автором которого в заглавии назван «благотискусный монах Герман».

Текст Жития имеет компилятивный характер. Исследование показало, что составитель Жития включил в повествование не только записку Германа, но использовал также как литературный источник Синайский патерик. Выписки из последнего стали основой для следующих фрагментов Жития: 1) окончание первой композиционной части, в монологе Филиппа, со слов «Потщимся избѣжати плотскаго жития...» (С. 16) до слов «Бѣжимъ, братие, матери всѣхъ злыхъ сребролюбия и мирския клеветы и зависти» (С. 17) — использован текст патериковых Слов 215—217;⁹ 2) почти весь текст третьей композиционной части. Все поучения Филиппа составлены из патериковых изречений, находящихся в Словах 86—90, 128, 149—152, 188—196, 207—210, 212—214, 225—227, 236—242, 290, 295, 299.¹⁰ В. О. Ключевский допускал возможность того, что эти поучения были записаны Германом и «не лишены историко-литературного интереса как образчики проповеднического искусства в северных русских монастырях XVI века».¹¹ Житийные поучения Филиппа состоят из отрывочных и простых по содержанию высказываний, которые присоединяются друг к другу при помощи слов «Рече паки», «Святый же рече», «Рече блаженный». Особенности структуры и содержания поучений, которые легко принять за следствие фактографичности записи, оказались, однако, свойственными целому ряду слов Синайского патерика.

Если житийные поучения Филиппа являются почти буквальными выписками из Синайского патерика, то все сюжетные эпизоды, имеющиеся в третьей композиционной части, составлены на основе патериковых повестей, в большей или меньшей степени переработанных. Рассказ о нападении на келью Филиппа бесов (С. 31—32) взят из Слова 206 Синайского патерика.¹² Текст Слова почти не изменен — только вставлено имя Филиппа и добавлены его молитвы, изгоняющие бесов. Рассказ о приходе к Филиппу беса в облике монаха и о намерении Филиппа покинуть Ирапскую пустынь (С. 41—42) составлен на основе Слов 158 и 186 Синайского патерика и включен в поучение Филиппа, завершающееся текстом Слова 154.¹³ В патериковом Слове 158 рассказ о приходе беса изложен от третьего лица, а фрагмент Слова 186, использованный составителем Жития, — от первого лица. Автор Жития, объединив фрагменты, переводит рассказ о приходе беса в форму изложения от имени Филиппа. Более сложный случай представляет собой житийный рассказ о посещении Филиппа поселянином Мелетием, наблюдавшим чудесную ночную молитву Филиппа (С. 48—50). В этом рассказе использованы Слова 129 и 130 Синайского патерика,¹⁴ однако в Житие включены не непосредственно патериковые тексты, а отдельные мотивы рассказов. При этом отчетливо проявляется текстуальная

⁹ Синайский патерик. М., 1967. С. 251—252.

¹⁰ Там же. С. 122—125, 175, 199, 235—237, 248—251, 257—258, 267—268, 349—350, 355, 357. Не удалось найти источника лишь для фрагмента поучения Филиппа, который начинается со слов «Будите любимии еже о Господѣ, поживите любовию и смиреніемъ...» (С. 28) и кончается словами «...и милостива Господа узрите, смотрите всегда предъ собою» (С. 31).

¹¹ Житие преподобного Филиппа Ирапского. Предисловие. С. XIX.

¹² Синайский патерик. С. 248.

¹³ Там же. С. 204—205, 231—232, 199.

¹⁴ Там же. С. 175—176.

зависимость житийного рассказа от патериковых повестей. Патериковый текст использован и в том житийном фрагменте, в котором содержится рассказ от имени Филиппа о его жизни в монастыре Корнилия Комельского, обращенный к некоему Симеону Судоку (С. 50—52). Рассказ составлен на основе патерикового Слова 131, содержащего повествование аввы Феодула о старце Христофоре.¹⁵ Часть этого Слова вошла в Житие почти без изменения, другая часть опущена — из нее использованы только отдельные фразы. Приведем сопоставительный пример, иллюстрирующий способ сопоставления этого житийного рассказа:

Патерик, Слово 131

Въ единѣ же днь поклонихъ ся ему, глаголя:

«Сътвори любѣвь, авва,
и повѣжь ми,

яже въ юностьвѣ дѣла».
И много моленъ ото мене старьць,
разумѣвь,
яко польза ради душа въпрашаю,
повѣда мнѣ, глаголя:
«Егда отвѣрохъ ся, чадо,

много имяхъ разгорѣнье и желанье
о мьнишѣстѣмъ чину,
въ днь же упражняхъ ся на службу,
въ нощи же отхожахъ
въ пещеру,

иде же бѣ въ святыхъ Феодосии
и прочии святыхъ отьць
молитвы дѣля.

И низълазя въ пещь
на комъждо степени
кланяхъ ся съто,
суть же по числу осмь на десяте.
И егда сълѣзохъ степень въсьхъ, ту прѣбудяхъ,

доиде же въсклепа било,
кланая ся и молитву творя.
И егда въсклепааше било,
тыгда хожяхъ на службу.
Прѣбывышу же мнѣ
бес прѣстани лѣтъ едино на десяте
въ службѣ сеи
съ постомъ многымъ
и въздръжании помышлении
и трудѣхъ тѣлеснѣхъ.
Придохъ одиною по обычаю...

(далее следует рассказ Христофора о его видении двух ангелов, которые зажигали в пещере кадила. Ангелы призывают Христофора молиться. Христофор им отвечает)

И рѣхъ азъ:

Первая редакция Жития

Хотящу же ему увѣдати истовое житие ино-
ческое, много же молихъ блаженного
Филиппа:
«Отче,

како ты приять еси иноческий образъ и что
есть от юности дѣла твоя?»

Разумѣ же святой,
что пользы ради молю его,
и нача ми повѣдати сице.
«Егда прияхъ от блаженного отца Корнилия
образъ иноческий
и многу имѣхъ теплоту и желание
ко иноческому житию,
во дни упражнялся на службу монастырскую,
а нощию отхождахъ,

молитву сотворяхъ,
идѣже отецъ нашъ

моляся по обычаю.

На коемждо степени
сотворяхъ по сту поклоновъ,
есть же степеней числомъ осмьнадесять.
Сошедши же долу,
такъ моляся съ поклоны,
дондеже ударяють въ било,

и тогда хождахъ на службу.
И пребывахъ

въ службѣ сей
постомъ многымъ
и воздержаниемъ
въ трудѣхъ тѣлесныхъ.
Во едину же ношь по обычаю

хотящу ми помолитися, и се ми гласъ бысть:
„Подвизайся и молися Богу“.
Азъ же рѣхъ:

¹⁵ Там же. С. 176—179.

„Още молю ся и доселъ чьто творяхъ“.

И о семь словеси
придохъ въ ся
и обративъ ся,
никого же не видѣхъ.
Тогда рѣхъ въ себѣ:
„Христофоре,

трудъ болии трѣбъ“.¹⁶

„Повсегда молюся и до сего времени то же творю“.

И по сихъ словесѣхъ
прииде въ себе от гласа того
и обратився, воззрѣхъ,
и не видѣхъ никогоже.
Тогда рѣхъ въ себѣ:

„Воля Божия да будетъ.
Болшихъ трудовъ потреба есть...“» (С. 50—52).

В третьей композиционной части Первой редакции Жития Филиппа Ирапского имеется четыре случая неожиданных переходов от изложения от третьего лица к повествованию от первого лица.¹⁷ Анализ текста показал, что все они объясняются использованием составителем Жития фраз из патерика без изменения формы повествования патериковых фрагментов, если они излагаются от первого лица. Сохраняется форма изложения от первого лица и в четвертой композиционной части Жития, в том ее разделе, в котором составитель использует записку Германа. Четвертая часть Жития начинается не имеющим сюжетной основы повествованием от третьего лица о молитвах Филиппа в пустыни и о приходе к нему Германа. Приводится их диалог. Герман называет свое имя и просит позволения жить у Филиппа. Филипп и Герман «начаша же жителствовати вкупѣ и молитися» (С. 66). Герман «много съ нимъ бесѣдова и моля его, нача вопрошати единъ единственно: „Повѣждь ми, отче, Господа ради, како здѣ вселися въ пустыню сию, и коего града или веси, и какову родителю бѣ“. Святый же нача ми повѣдати изъ устъ своихъ...» (С. 66—67). До вопроса Германа изложение велось от третьего лица, после вопроса и до конца произведения следует повествование от имени Германа. Поскольку установлен литературный источник, послуживший основой для повествования третьей части Жития, и обнаружилась причина внезапных переходов к изложению от первого лица, можно с уверенностью утверждать, что как раз в том месте четвертой части, где наблюдается переход к рассказу от имени Германа, происходит присоединение к житийному рассказу текста записки Германа. Сохранение формы изложения используемого источника соответствует системе работы составителя Жития и свидетельствует о подлинности текста записки Германа.

Составитель Жития не только непосредственно присоединяет записку Германа, но и использует ее как фактический источник при построении повествования первой части Жития. Очевидна текстуальная зависимость рассказа Филиппа о себе Корнилию Комельскому из первой части Жития (С. 6) от рассказа, записанного Германом «из уст Филиппа», как сам Герман отметил (С. 67—68). В записи Германа этот рассказ сохраняет черты устной беседы. Вопрос Германа порождает воспоминания Филиппа о своем детстве: он не помнил рано умерших родителей и даже имя свое узнал от соседей. Филипп вспоминает об этих соседях и о том, что в то время был голод, и он скитался, прося подаяния. В первой части Жития составитель вкладывает в уста Филиппа тот же рассказ, но из него исключается упоминание о соседях и фактическая подробность о голоде, зато добавляется фраза о том, что Филипп отвечал Корнилию «съ великимъ тщаниемъ и смирениемъ, кротко и тихо во слезахъ проглаголавъ» (С. 6). Использование отдельного фрагмента записки Германа в переработанном виде в другой части Жития еще раз го-

¹⁶ Там же. С. 177—179.

¹⁷ Они находятся на с. 41, 48—49, 50—51, 53 по изданию Первой редакции Жития В. О. Ключевским.

ворит о том, что в четвертой части текст записки Германа был присоединен без каких-либо существенных изменений.

Таким образом, в Первой редакции Жития Филиппа Ирапского выделяется три пласта повествования. Один из них — это первая и вторая части, которые содержат необходимые в агиографической концепции эпизоды о юности подвижника, пострижении, жизни в монастыре и уходе в пустынь. Эти эпизоды образуют хронологически последовательную линию и связаны друг с другом повествовательными переходами. В первой и второй частях строго выдержана форма изложения от третьего лица, применяются устойчивые житийные элементы описания. Другой пласт — это повествование третьей части. Используемые фрагменты из Синайского патерика сохраняют в составе Жития свои формальные особенности, простоту изложения и композиционную независимость, делая третью часть Жития несовершенной в структурном отношении. Третий пласт — записка Германа о Филиппе, тип повествования которой отличается от житийного прежде всего непосредственной близостью автора к герою.

Выделение разнородных пластов повествования позволяет объяснить противоречивую характеристику литературных особенностей Жития, данную В. О. Ключевским. Его замечание о простоте изложения отдельных эпизодов «как будто подлинными словами рассказчиков»¹⁸ относится, видимо, к тем частям Жития, которые основаны на использовании патериковых повестей и записки Германа; а замечание о «витиеватости пера» автора¹⁹ — к повествованию первых двух частей Жития. Кроме того, оказывается, что отмеченные В. О. Ключевским хронологические несоответствия наблюдаются между теми указаниями, которые содержатся внутри разных пластов повествования, а именно, указания из первой части Жития противоречат тем датам, которые приведены в конце записки Германа.

Все это приводит к предположению о том, что Герман, скорее всего, не является составителем Жития. Допущение участия другого автора может объяснить не только тот факт, что о Германе дважды говорится от третьего лица, а затем неожиданно возникает повествование от имени Германа, но и то, что Филипп «не узнал» пришедшего к нему в пустынь Германа, у которого брал благословение в Спасо-Каменном монастыре. Анализ текста показывает, что для работы составителя Жития характерен принцип ситуативных аналогий, т. е. многие имевшиеся в записке Германа и патериковых рассказах сюжетные ситуации составитель Жития заново моделирует в собственном повествовании, используя при этом отдельные общие фразы или более значительные фрагменты текста источников (например, дублируется рассказ о детстве Филиппа; повествование о жизни Филиппа в монастыре Корнилия Комельского составляется по образцу патериковой повести, использованной в эпизоде беседы Филиппа с Симеоном Судоком). Сравнение фрагментов рассказов о приходе священноинока Иова из записки Германа (С. 72—73) и о приходе Германа к Филиппу (С. 65) из того раздела четвертой части Жития, который принадлежит перу составителя, делает вероятным предположение, что составитель Жития описал приход Германа, ориентируясь как на образец на рассказ Германа о приходе Иова. Во всяком случае, трудно избавиться от впечатления, что Филипп «не узнал» Германа только потому, что сам Герман по каким-то причинам не отразил в своей записке собственный приход в пустынь к Филиппу.

¹⁸ Житие преподобного Филиппа Ирапского. Предисловие. С. XVII.

¹⁹ Там же. С. VII.

Обратимся теперь к рассмотрению литературных особенностей записки Германа, в том виде, в каком она сохранилась в составе Первой редакции Жития Филиппа Ирапского. Вероятно, Герман делал записи еще при жизни Филиппа, фиксируя его автобиографические воспоминания. Примером такой записи является рассказ Филиппа о своем детстве, который вошел в произведение Германа, не подвергшись литературной обработке. Позднее, уже после смерти Филиппа, Герман на основе собственных воспоминаний составил свой рассказ о смерти и погребении Филиппа. Этот рассказ не является непосредственной документальной записью. В повествовании ощущается некоторое влияние житийной традиции в обрисовке героя: в уста Филиппа вложена большая молитва, Герман прибегает к выражениям, характерным для авторских отступлений в житийном повествовании. Стремление Германа подробно описать обстоятельства, сопутствовавшие смерти и погребению Филиппа, приводит к тому, что в повествование попадают детали, придающие рассказу черты сюжетности. Когда Филипп говорит Герману об ожидании смерти, Герман еще не понимает до конца всего смысла сказанного Филиппом и не отступает от своего ежедневного распорядка: «Пришедши же нощи и вечеру глубоко сушу, мнѣ же помолившуся и исправившу келейное свое правило, помышляя, что ми онѣ глаголетъ. Азъ же возлегохъ спати и уснувъ» (С. 70—71). Реальная подробность вызывает у читателя напряженное внимание, ожидание дальнейшего развертывания событий. Реальная деталь, может быть, независимо от намерений автора, начинает играть роль литературного приема. Это явление наблюдается и в рассказе Германа о том, как он утром, увидев умершего Филиппа и оплакав его, стал думать о его погребении: сам Герман не имел сана священника. Озабоченный этими мыслями, он выходит из кельи и видит приближающегося монаха. Только из диалога становится ясно, что пришедший инок Иов имеет сан священника, — и так разрешается проблема, вставшая перед Германом. Детальность и последовательность рассказа создают литературный эффект.

Характерные особенности рассказа Германа выступают в сравнении с близким по содержанию рассказом Иннокентия о Пафнутии Боровском.²⁰ Иннокентий создал «очень искусное литературное произведение, в котором литературность круто замешана на бытовом материале, введена в ткань повествования и сказывается во множестве мелочей».²¹ Литературные приемы в рассказе Иннокентия взаимосвязаны, каждая бытовая деталь играет определенную роль. Автобиографизм рассказа Иннокентия является «сознательной литературной позицией автора».²² Этот автобиографизм по своему этикетен: Иннокентий сообщает читателю только то о себе, что необходимо для достоверности повествования, и при этом просит у братии прощения за частые упоминания о себе. Автобиографический образ Иннокентия не заслоняет главного героя: Пафнутий находится в центре повествования, его облик индивидуален и проявляется в характерных высказываниях и поступках.

В рассказе Германа литературные элементы остаются изолированными, не образуют системы. Многие бытовые и фактические детали имеют самодовлеющую ценность, разрозненны и не несут художественных функций. Например, Герман и Иов, поминая Филиппа после его погребения, едят в

²⁰ Изд.: ГЛДР: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 478—513.

²¹ Лихачев Д. С. Литература эпохи исторических размышлений // ГЛДР: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 15—16.

²² Дмитриев Л. А. Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 64.

келье хлеб. Это прежде всего ценная сама по себе бытовая деталь. Или сообщение о том, что Иов через несколько дней продолжил свой путь, является просто констатацией того, что было в действительности. С меньшей степенью литературного начала связан гораздо более открытый и непосредственный характер автобиографизма рассказа Германа. В центре повествования оказывается автобиографический образ Германа. Герман описывает прежде всего свои действия, мысли и чувства («Мнѣ же сожализвшу объ немъ, и начахъ плакати на многъ час, воспоминаия его многое поучение и любовь...». С. 71—72), сообщает необязательные для рассказа о Филиппе подробности о себе, например то, что он возвратился после смерти Филиппа в Спасо-Каменный монастырь. Действия Германа сопровождаются в рассказе выразительными бытовыми и психологическими деталями. По существу, Герман является основным героем своего рассказа о смерти и погребении Филиппа.

Попытаемся дать жанровое определение произведению Германа о Филиппе Ирапском. Повествование Германа имеет характер воспоминаний о конкретном человеке, о действительно происходивших примечательных событиях, очевидцем и участником которых был автор. Эти воспоминания документальны в том смысле, что автор включил в них только виденное или слышанное им самим. Очевидно, что произведение Германа не является житием. Обязательная для жития идеализация героя проявляется слишком слабо, вместе с тем отчетливо выступает стремление Германа сохранить индивидуальные черты биографии Филиппа.

Д. С. Лихачев выделяет «особый род житийной литературы» — «документальные записки, составлявшиеся как память о святом, „материалы“ для его биографии... Их основная функция — сохранить свидетельства о святом, факты его жизни, его посмертных чудес и т. д. Впоследствии эти записки перерабатывались, становились все более и более литературными — „удобренными“ и риторичными».²³ Ряд древнерусских текстов, содержанием которых является описание последних дней, кончины и погребения церковных деятелей, рассмотрел о. Макарий (Веретенников).²⁴ Опираясь на высказывание Д. С. Лихачева, Макарий говорит, что «такой особый вид жития можно сравнить с воспоминанием ученика о своем учителе» (в то время как житие Макарий определяет как «память церкви о святом»)²⁵ Макарий отмечает, что эти произведения относятся к особому жанру древнерусской литературы, который имел самостоятельную функцию и цель. Произведения этого жанра часто использовались при составлении житий, но специально для этого не предназначались. Макарий выделяет «бытовизм» как характерную черту произведений этого жанра.

Для типологического сравнения с произведением Германа о Филиппе Ирапском мы привлекли следующие памятники: рассказ Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского, Сказание о кончине митрополита Макария,²⁶ рассказ Вассиана Кошки о кончине тверского епископа Акакия,²⁷ «Слово» или «Написание» того же Вассиана о его учителе старце Фотии.²⁸ Сопоставление этих произведений показало, что они отличаются друг от друга

²³ Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 135.

²⁴ См. статью о. Макария (Веретенникова), посвященную 75-летию со дня кончины В. О. Ключевского: Журнал Московской патриархии. 1986. № 11. Благодарю М. Д. Каган, указавшую мне эту работу.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ БАН, 31.6.27, л. 613 об.—622 об., нач. XVII в.

²⁷ РНБ, собр. Погодина, № 1564, л. 52—56 об., втор. пол. XVI в.

²⁸ РНБ, Q.XVII.64, л. 353—356 об., сер. XVI в.

по объему содержания, структуре, стилистическому уровню, принципам литературной обработки, степени проявления личности автора в рассказе. Например, если повествования о митрополите Макарии, Пафнутии Боровском и епископе Акакии посвящены только последнему периоду жизни этих людей, то рассказ о старце Фотии содержит всю его биографию; «бытовизм» не является общим признаком; если в повествовании о митрополите Макарии нет никаких указаний об авторе, то Иннокентий и Вассиан включают в рассказ автобиографические мотивы. Однако эти произведения имеют принципиально важные для жанрового определения общие черты: в них говорится только о том, что было в действительности; рассказу присуща временная и обстоятельная определенность; герой повествования — реальный, хотя и необыкновенный, человек; автор — современник героя, знал его лично и, как правило, был ему близок при жизни; автор представляет не столько обобщенно-идеальную сторону событий, сколько конкретные особенности происшедшего, характерные индивидуальные черты человека.

Таким образом, имеется целый ряд произведений, которые не являются житиями, а составляют особый жанр древнерусской литературы. Особенности текста произведения Германа о Филиппе Ирапском позволяют причислить его к этому, не имеющему точного названия жанровому типу.

Литературная история произведения Германа в составе жития является типичным примером использования и переработки первоначального фактического источника при составлении жития и его редактировании.

Выявленные списки Жития Филиппа Ирапского распределяются на три редакции. Каждая из трех редакций сопровождается Сказанием о посмертных чудесах Филиппа.²⁹ На основании различий отдельных указаний, содержащихся в разных редакциях Жития и Сказания о чудесах, Вторая редакция (РГИА, ф. 834, № 3832, сер. XIX в.) датируется серединой XVIII в., а Третья (РГБ, ф. 310, № 1234, XIX в.)³⁰ — серединой XIX в.

Во Второй редакции Жития Филиппа Ирапского упорядочена форма изложения за счет исключения структурно неопределенных поучений Филиппа (вместе с поучениями оказался опущенным и рассказ о жизни Филиппа в Корнилиевом Комельском монастыре, обращенный к Симеону Судоку) и ряда повторов, а также перевода некоторых эпизодов в форму повествования от третьего лица. Рассказ Германа также переводится в форму изложения от третьего лица, однако окончание рассказа сохраняется в передаче от имени Германа. Опускаются отдельные личностные подробности и усиливаются те черты рассказа, которые характерны для агиографического повествования.

Автор Третьей редакции использовал тексты обеих предшествующих редакций: за основу взята Вторая редакция, Первая редакция привлекается для восполнений содержания — добавлена еще одна часть, составленная из

²⁹ Поскольку одни и те же рассказы об исцелениях, случившихся у гробницы Филиппа в 1661—1673 гг., сопровождают все три редакции Жития, причем само Сказание о чудесах также имеет три редакции, даты чудес не могут служить основой для определения времени составления редакций Жития. Осторожная датировка В. О. Ключевского, допускающая отнесение позднейшей редакции Жития (которая, как показал текстологический анализ, является Третьей редакцией) к концу XVII в., обусловлена тем, что Сказание было известно В. О. Ключевскому только по спискам последней редакции: единственный список Первой редакции, которым располагал В. О. Ключевский, не содержал Сказания о чудесах, а текст Второй редакции не был известен В. О. Ключевскому.

³⁰ Кроме этого списка В. О. Ключевский указал еще список из рукописи Троице-Сергиевой лавры № 24 (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 274). Эту рукопись не удалось обнаружить. Благодарю Н. А. Охотину за помощь в поисках рукописи.

фрагментов поучений Филиппа из текста Первой редакции; включен опущенный во Второй редакции рассказ о жизни Филиппа в Корнилиевом Комельском монастыре, причем он излагается от третьего лица и не является ретроспективным, как в Первой редакции, а переносится в хронологически соответствующую часть Жития и отрывается от первоначального своего контекста (о Симеоне Судоке, который просил Филиппа рассказать об иночестве, не упоминается). Составление Третьей редакции преследовало цель совершенствования организации изложения, которое стало последовательным и стройным в результате композиционных перемещений отдельных фрагментов, изменения структуры периодов и внутрифразовых сокращений. Строго выдержана форма повествования от третьего лица. Из рассказа о смерти и погребении Филиппа исключаются бытовые подробности и целые фрагменты текста, личностный характер которых не соответствует житийному повествованию (например, исключен автобиографический рассказ Филиппа о своей юности). На последней стадии обработки житийного текста рассказ первоначального источника с элементами автобиографизма полностью утрачивает свои характерные особенности и «растворяется» в житийном повествовании.

Итак, Житие Филиппа Ирапского представляет большой интерес в историко-литературном отношении. Первая редакция Жития демонстрирует систему работы древнерусского агиографа, методы использования им литературных и фактических источников. Сохранившаяся в составе Первой редакции первоначальная записка инока Германа о Филиппе принадлежит к тому жанровому типу, в русле которого наблюдается рост значения индивидуальности автора в литературном творчестве. Элементы автобиографизма, свойственные многим произведениям этого рода, сыграли не последнюю роль в подготовке открытия в литературе XVII в. ценности человеческой личности. Две последующие редакции Жития Филиппа Ирапского представляют характерный пример последовательного совершенствования житийного текста и переработки первоначального источника, вызванной жанровыми требованиями агиографического канона.